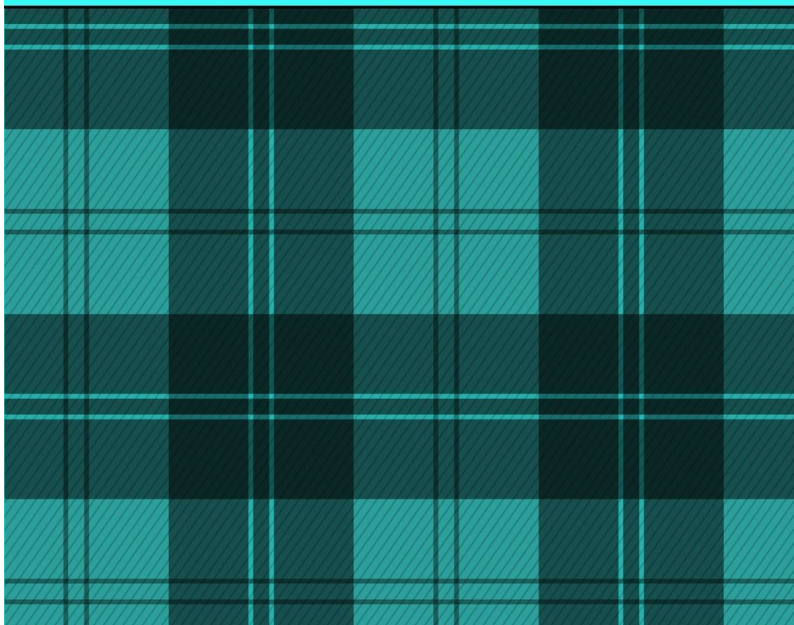

Елена Тершукова

Старые фотографии

Елена Викторовна Тершукова

Старые фотографии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66381126
ISBN 9785005513533*

Аннотация

Фотографий было немного, а удачных еще меньше: то пленка засветится, то фотографии неважно отпечатаются, то просто кадр плохо получился. Поэтому хорошие фотографии бережно хранили в специальных альбомах или просто в пакетиках от фотобумаги, и рассматривали, и показывали друзьям и знакомым, приходившим в гости. Сейчас, в эпоху цифры и соцсетей, эти альбомы лежат на дальних полках или в ящиках шкафов. Их редко достают. Но как же это интересно – их разглядывать! За каждой стоит своя история...

Содержание

Ребята нашего двора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Старые фотографии

**Елена Викторовна
Тершукова**

© Елена Викторовна Тершукова, 2021

ISBN 978-5-0055-1353-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фотографий было немного, а удачных еще меньше: то пленка засветится, то фотографии неважно отпечатаются, то просто кадр плохо получился. Поэтому хорошие фотографии бережно хранили в специальных альбомах, или просто в пакетиках от фотобумаги, и рассматривали, и показывали друзьям и знакомым, приходившим в гости. Сейчас, в эпоху цифры и соцсетей, эти альбомы лежат где-нибудь на дальних полках или в ящиках шкафов. Их редко достают. Но как же это интересно – их разглядывать! За каждой стоит своя история...

Ребята нашего двора

Мы тогда называли друг друга так: Инка, Ленка, Андрюшка... Почему-то это было модно.

Групповая фотография – вся наша компания: Андрюшка Михеев, Вадик Бородко, я – старшие, семиклассники; Инка, двоюродные братья Севка и Валик (Валька, но его всегда звали именно так), Светка Бородко и моя подружка Иринка и почти сестра (наши родители дружили семьями) – младшие, четвероклассники. Вот сейчас удивляюсь: в том возрасте три года – огромная разница, а ведь нам было интересно вместе! Инка со Севкой и Валиком вообще воспринимались как ровесники, а Иринка со Светкой были приняты в компанию на правах младших сестер.

С Иринкой мы дружили давно, с ее совсем уж мелких лет. Наши мамы работали вместе в яслях. Однажды, перед Новым годом, все женщины (ну, а кто в яслях работал – одни женщины) собрались, как теперь бы сказали, на «корпоратив»: просто принесли из дома всякие вкусности собственного приготовления, пили чай и немножко вино, разговаривали, пели... Детей, у кого не было с кем дома оставить, тоже взяли. Только взрослые сидели за столом, а нас быстренько покормили и отправили гулять на ясельный участок. Там в дальнем углу была сделана довольно-таки большая ледяная горка. Ребятишки собрались 3- 4—5 лет, я была самая боль-

шая: еще бы, 7 лет, уже в первый класс ходила!

Малышня принялась кучей залезать на горку и съезжать тоже кучей, толкаться, падать. Кто-то уже подрался, кто-то уже готовился зареветь... Я на правах самой старшей быстро навела порядок, выстроила ребятишек в очередь, кому-то пальцем пригрозила. Так что скоро все весело и дружно катались.

Мне очень понравилась одна девочка лет четырех: вся она была какая-то ладненькая – шубка, аккуратно повязанный шарфик, который почему-то совсем не сбивался, из-под шапки ничего не торчит. Она спокойно дожидалась своей очереди, а когда съезжала вниз и даже падала, то так заразительно хохотала, что смех тут же подхватывали все дети. И вообще, от нее веяло какой-то спокойной радостью. Но поразили меня ее глаза: на солнце они становились ярко-синими!

У Иринки на всю жизнь сохранилась эта особенность: обычно темно-серые, на солнце ее глаза сияли яркой синью! Никогда ни у кого такого цвета глаз я больше не встречала, да и не только я – многие люди до сих пор интересуются у Ирины, где она купила такие красивые линзы. Уже взрослой я искала в Интернете такой оттенок в природе, нашла только у ляпис-лазури.

Потом, когда дома я рассказывала маме про славную девочку, она сказала:

– А, так это Ирина, дочка нашей медсестры тети Али! Да

Аля и сама такая же – веселушка. А ты бы знала, какие вкусные булочки она печет!

– А ты откуда знаешь?

– Она приносит иногда к чаю, угощает. Да она сколько раз меня к себе приглашала уже! Вот сходим как-нибудь, попробуешь.

Потом наши мамы, а за ними и папы, как-то сдружились: папы ездили на рыбалку, мы семьями отмечали праздники, да и просто так частенько мамы вместе с нами ходили друг к другу чайку попить, поболтать. Идем мимо их дома – обязательно заглянем хоть на пол часика. А потом мы с Иринкой уже сами друг к другу бегали. Однажды – Иришка уже в первом классе училась – мы с мамой и братом пришли к ним в воскресенье. Мы, конечно, в их дворе играли, а мамы сидели в комнате – пили чай и разговаривали.

Мы забежали с улицы – попить. Пока Иринка наливала нам из банки гриб, я увидела на столе бутылку с чем-то коричневым и, по всегдашней своей привычке читать все и везде, прочитала на ней: «Гематоген». Как так? Гематоген – это же как шоколадки, мы их иногда покупали полакомиться.

Спросила. Иринка скривилась:

– Да врач сказал, что у меня железа в крови мало, и выписал его пить. А я не могу, это такая гадость, фу!

– Странно. Гематоген же вкусный!

– Да я его и твердый-то терпеть не могу, а этот – вообще!

– Ты что, гематоген не любишь? – изумился Димка. – Так

может, и этот вкусный, просто тебе не нравится?

– Ну хочешь, попробуй, – Иринка достала столовую ложку.

Димка взял ложку, попробовал.

– Слушай, давай еще, мне понравился!

– Да на! – Иринка налила еще. Димка с удовольствием выпил.

– Дайте-ка мне попробовать! – не вытерпела я. – Вкусно! Как обычный, только жевать не надо!

– О! Я знаю! Вы выпейте еще немножко, и вообще, как будете к нам приходить, потихоньку будете отпивать, а я скажу маме, что это я! – обрадовалась Иринка. – А то она ругается, а я не могу!

– Да мы с удовольствием, – засмеялась я. – Вот только кровь-то твоя от этого лучше не станет.

– А ты думаешь, так станет? Все равно я его пить не буду, лучше в туалет вылью, а так хоть вам вкусно будет.

– Ну, раз в туалет, тогда лучше нам, конечно, – снова засмеялась я.

– Слуууушайте... – протянула Иринка. – Мне еще хлористый кальций выписали, он еще хуже. А вдруг вам тоже понравится? – она с надеждой посмотрела на нас.

– Давай! – Димка уже предвкушал очередную вкуснятину. Но, едва попробовав, начал плевать: – Фу, ну и дрянь! Нет, это я точно пить не буду!

Я тоже чуть-чуть попробовала.

– Да, дрянь! Ир, но если надо тебя выручить, я по одной ложке, так и быть, буду пить, только заесть потом чем-нибудь надо будет.

– Нетушки! Гематоген пейте, раз вам нравится, а это я буду понемножку в раковину выливать! Вот так! – она подошла к раковине и немного вылила. – И все!

На том и порешили.

Иринка и правда, была очень худенькая, при этом всегда веселая, подвижная, легкая. Мне она напоминала стрекозку: длинненькая, глазастая, того и гляди – раскинет тонкие прозрачные руки-крылышки, застрекочет и полетит куда-нибудь над травой, над цветами, в голубые небеса...

Еще две фотографии из моего альбома: на первой Иринка в тот самый первый день, когда я ее увидела, на той самой горке – стоит в цигейковой шубке и такой же шапке, в руке лопатка. Кто фотографировал – не помню, наверное, я тогда еще не вышла на улицу.

И вторая. Уже потом, тем летом, в яслях ждали фотографа, а так как это тогда было редкостью, то многие работницы захотели и своих детей сфотографировать. Иринку принарядили в новую кофточку и повязали большой бант. Вот тут-то она и взбрыкнула: всегда покладистая, она сорвала бант с головы, надулась и наотрез отказалась фотографироваться. Закрывалась руками, отворачивалась. Уговорить не мог никто – ни тетя Аля, ни моя мама, ни фотограф, ни другие женщины, никак – ни с бантом, ни без банта... Наконец, уже

почти смирившись, тетя Аля придумала: – Иринка, а с Леной будешь фотографироваться?

Та, глядя исподлобья, кивнула.

– Леночка, – попросила тетя Аля, сфотографируйся с Иринкой, пожалуйста!

Я с готовностью согласилась. Нас посадили рядом. Чтобы Иришка была повыше, подложили ей под попу какие-то книги, а чтобы не упала, прислонили покрепче ко мне. Тетя Аля даже злополучный бант успела ей на голову приложить. Так мы и сидим на этой фотографии: тесно прижавшись друг к другу, я в «баранках» на коротких волосах, своей любимой тогдашней прическе, а Иринка – с большим белым бантом на голове.

Для меня она всегда была младшей сестренкой, да и она меня любила, как сестру. В нашей компании ее сразу приняли, ну а как могло быть иначе с Иришкиным легким и открытым характером? Только Светка ее терпеть не могла, всегда старалась в ее отсутствие сказать что-то плохое. Завидовала, конечно: Светку-то у нас никто не любил, так, терпели как Вадькину сестру, по необходимости.

Наш двор образовывался тремя деревянными двухэтажными, в каждом три подъезда и 12 квартир, домами. Детей, конечно, было полно, но все остальные – мелюзга, не стоящая нашего внимания. С четвертой стороны двор замыкали сараи и дровяники (в домах было печное отопление) и штук пять гаражей (для редких везунчиков, имеющих мотоцикл

с коляской, а машин в наших домах не было тогда ни у кого). За сараями начинались картофельные поля (у каждого жителя был собственный надел), дальше с одной стороны – совхозные поля, а с другой – длинный овраг, еще дальше – лесок, переходящий совсем уж на горизонте в настоящий лес. О, поля, овраг и лесок – это были наши земли! Зимой – лыжи, санки, возведение снежных крепостей и просто лазание по пояс, по грудь в снегу, в конце весны и начале лета – «экспедиции» в лесок за подснежниками, ландышами, черемухой и просто так, в начале осени – за брусникой и сыроежками. Почему-то другие грибы там не попадались. Летом в овраге рвали одуванчики для кроликов – у некоторых родители их держали, а снабжение одуванчиками было нашей обязанностью. Более поздней осенью и весной поля превращались в непроходимую грязюку, а в овраге можно было по-настоящему утонуть в снежной каше пополам с водой. Ну, а летом во дворе обычно никого из детей не оставалось, разъезжались кто в пионерские лагеря, кто в деревни к бабушкам-дедушкам, кто в родительский отпуск куда-нибудь в другие города. На море? – нет! Я росла в достаточно обеспеченной семье, и каждое лето мы ездили к дальним родственникам то на Украину, то в Белоруссию, то в Волгоград, но на море я впервые побывала уже совсем взрослой. Так что море из нашей компании видел только Андрюшка, и то – Балтийское, северное, а значит, как бы и не настоящее.

И в то лето, когда я перешла в шестой класс, мы всей се-

мьей в июне ездили в Волгоград к папиной сестре, в июле мы с братом отбыли смену в пионерском лагере (куда, надо сказать его не хотели брать, так как в школу не ходил пока, а потом маме как-то удалось через РОНО пристроить), а август должны были провести дома. И все хорошо, но уезжала я в лагерь из одного дома, а вернулась в другой! Переехали! Без меня! Старый дом был восьмиквартирный с небольшим, зеленым и очень уютным двориком. В каждой квартире – по двое детей. И вот так совпало, что в каждой семье старший ребенок – девочка! Так что нас, девчонок, с разницей в возрасте один-два года, была целая большая компания. Конечно, дружили-ссорились-мирились, но всегда было с кем играть. На улице пропадали, друг у друга часто играли...

А тут – смотрю в окно кухни новенькой квартиры – никого! Два дома, третий строится и пустынный двор. Несколько дней я бесконечно читала, сходила как-то в старый двор – там тоже никого, все разъехались на лето. Сестры двоюродные тоже в деревне. На нашей площадке в соседней квартире – вообще семья с малышкой в коляске... Скучновато.

Вдруг как-то по привычке выглянула – мальчишка гуляет! Да какой – прямо из детских фильмов. Наши мальчишки как выглядели, когда гуляли? Старые растянутые треники, футболка, на ногах – обычно кеды, чтобы и в футбол играть, и на велике гонять, да и просто бегать удобно. Прически... Мелких мальчишек стригли «под бокс» – наголо, «полубокс» – с чубчиком. Постарше – «канадка» – по всей голове

оставлялись волосы примерно 2 сантиметра длиной, на челке 3—4 см. Летом, конечно, никто не стригся, так что к августу все ходили просто одинаково лохматые. А у этого настоящая прическа, с зачесанной на бок челкой, совсем как у Геши в «Бриллиантовой руке». А одет! Сандалии, рубашечка на пуговицах и – шорты! Ну, точно, примерный пионер из кино! Вдобавок ко всему в руках его был лук. Мальчишка неторопливо целился в столб посреди двора, стрелял, шел за стрелой и опять: цель – выстрел – идет за стрелой. Мне прямо тоже пострелять захотелось! Пойти, что ли, познакомиться да попросить? Правда, он, похоже, на пару лет младше меня, ну и пусть, все равно никого другого-то нет.

Я быстренько переоделась в платье, сунула ноги в босоножки и выскочила во двор.

– Привет!

– Привет! – Мальчик опустил лук.

– Слушай, дай пострелять!

– А ты умеешь?

– Да что тут уметь? Натягивай тетиву да целься.

– Ну да, в общем-то. Главная ошибка: локоть надо поднимать.

Я попробовала: здорово! Тетива тугая, стрела ровненькая, да еще и наконечник усилен – обернут тоненькой железкой. Поэтому стрела летит далеко, не то что у тех луков, которые обычно мальчишки делают.

– Ух ты, здорово! – Я подняла стрелу и прицелилась еще

раз. – Суперский лук! Отец делал или брат?

– Я сам. А брата и отца у меня нет, мы с мамой вдвоем живем.

– Сам? – Я недоверчиво сощурилась. – Не обижайся, но ты еще маленький, чтобы сам такое сделать.

– Да ладно, не обижаюсь. Во-первых, я делал по описанию в журнале. Во-вторых, как ты думаешь, в каком я классе?

– Ну, ... наверное, в четвертый перешел?

– Нет, в шестой.

– Ого! Как и я! Извини, но... – я не знала, как сказать дальше, чтобы его не обидеть. И так про отца уже ляпнула, а вдруг он умер?

– Что я роста маленького? – он пожал плечами. – Просто в 5—6 классе девочки быстро вырастают, а мальчики – потом. Вот ты уже вымахала, а я тебя догоню через год или два, – улыбнулся он.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– А ты вспомни свой класс.

Да, это так. Раньше я на физкультуре стояла в середине шеренги, а за прошлый год так выросла, что стала первой. И многие девочки выросли, а мальчики остались какими-то мелкими. Я жутко стеснялась своего роста, и даже сутулиться стала, чтобы казаться пониже.

– Слушай, а и точно! Хорошо, а то я в классе себя прямо Гулливером чувствую...

– Ну и зря. Это пока. И вообще, какая разница – высо-

кий человек или нет, главное, что он из себя представляет. — Мальчик явно повторял чьи-то слова, но какие же они были правильные! — Кстати, мы же с тобой даже не познакомились. — Он подал ладошку: — Андрей.

— Лена. — Ладонь у него была неожиданно твердой, крепкой и какой-то царапучей.

— Ой, твоя рука царапается! — засмеялась я.

— Это мозоли. — Он перевернул ладонь. — Я люблю строгать и с напильником тоже. Разные штуки делаю.

— Какие штуки? — загорелась я.

— Как-нибудь покажу. — Он опять улыбнулся.

Мы еще постреляли просто так, потом посоревновались на меткость, а потом, уже вечером, когда ушли рабочие, решили поиграть на стройке в «Нитку-иголку». Он не знал про эту игру, а у нас в старом доме мы часто играли, особенно когда по весне привозили кому-нибудь из соседей бревна на дрова и сваливали их во дворе. Это очень просто: один человек — «иголка», остальные — «нитка». «Иголка» бежит, прыгает, забирается куда-нибудь, а остальные друг за другом гуськом повторяют. Кто ни разу не ошибся, тот становится «иглой». Здесь главное — скорость, и еще чтобы было побольше препятствий. Мы бегали по крышам сараев, по бревнам, на худой конец — по детской площадке, а вот на стройке стоило попробовать!

Андрюшка оказался очень ловким и проворным. Что только он не вытворял! Ни в чем не уступала, только страш-

новато было бегать по одной доске над первым этажом, где на втором еще не было пола: он-то легкий, бежит, как на крыльях летит, а подо мной доски сильно прогибались. Но потом я заметила, что он чуть-чуть мне уступает: там, где он бы протиснулся, а мне не влезть, он не лазает. Так мы и водили по очереди, пока не стемнело.

Дома рассказала про нового приятеля. Мама уже тоже познакомилась с его мамой. Они недавно переехали из Калининграда, потому что ее по работе к нам перевели. И еще, что она – следователь! Я очень удивилась, что бывают женщины-следователи, оказывается – бывают. А папы у них просто нет. И еще она сказала, что в квартире под нами живет семья с тремя детьми: двое малышей, а старший в четвертый класс перешел. Видела я этого пацана в окно – деловой такой: то дрова тащит, то воду из бочки, то помойку выносит, то траву рвет за сараями (мама сказала, для поросенка, он у них в сарае! Не успели переехать, а уже поросенка завели). И родителей его тоже видела, они какие-то странные: мама высокая и очень худая, даже тощая, а папа маленький, тоже худенький и сильно хромот, причем как будто бы сразу на обе ноги. Странность еще вот в чем: все взрослые на работе днем, а они – нет. Правда, может, в отпуске?

На следующее утро Андрюшка сидел во дворе на чурбане для колки дров и что-то строгал; лук лежал рядом. Показал: кинжал делает. Ну, это не новость, у многих мальчишек были такие, сделанные с разной степенью искусности.

И наждачкой их зачищали, и лупой узоры выжигали. Мы опять немного постреляли, потом поболтали. Он рассказывал про Калининград, про море, а я – про Волгоград и Мамаев курган, как там все здорово, красиво и страшно. Хотели во что-нибудь поиграть, но в «Нитку-иголку» просто во дворе – неинтересно, на стройку не пойдешь, пока там рабочие, а в остальные игры вдвоем тоже неинтересно.

– А у тебя велик есть? – спросил Андрюшка.

– А..., «школьник», – махнула рукой я. Он мне уже маловат, брату отдала. Родители обещали «Орленок» купить, но в этом году с отпуском да переездом не получилось, еще ведь мебель новую покупали. Теперь, наверное, к следующему лету.

– У меня тоже пока нет. Но я «Орленок» не хочу, сразу взрослый.

– Так тебе же он большой будет, как ездить-то?

– Ну, к следующему лету хоть немного подрасту. Сиденье опущу. Ну, в крайнем случае, сначала можно «под рамкой» ездить, или стоя на педалях.

– Да... Мне бы тоже взрослый хотелось! Но родители не согласятся, «Орленок» – то потом тоже брату будет.

Тут я заметила в окне мальчика из нижней квартиры и сказала:

– Вон пацан в окне, видишь? Он в четвертый класс перешел. Может, позовем, можно будет в «Кислый круг».

Мы замахали мальчишке руками. – Эй, выходи!

Через минуту мальчик был рядом с нами. На голове у него почему-то была тубетейка.

– Привет! Я – Андрей, это – Лена, а тебя как зовут?

– Валик.

– Как-как? – мы от неожиданности дружно рассмеялись.

– Ну..., – смутился мальчишка. – Валентин вообще-то, Валя, но это как «тетя Валя», все смеются.

– Валик, так Валик, – сказала я. – Давайте в «Кислый круг»?

– Ага, только я не умею, – сказал Андрюшка.

Я стала объяснять правила, но он меня перебил:

– Так это же «Вышибала»!

– Ну, может быть. У нас называется так. А у вас с «запасками» играют?

– Конечно!

Мы поиграли, но недолго: с Валиком было неинтересно. Если он был «в кругу», то быстро вылетал – ни «запасок» не ловил, ни уворачиваться не умел, если «за кругом» – бросал мячик не туда, куда надо. Даже мой шестилетний брат играл бы лучше, да он в детском саду. Потом перебрасывались мячиком. Потом сидели на чурбачках.

Валик сказал:

– А я знаю, кем у вас кто работает! Твоя мать – в яслях, а отец начальником на стройке, а твоя мать – следовательно, и еще, вы приехали из Калининграда!

Мы удивились: – Откуда ты все знаешь?

– Да мой батя в газету заметки пишет, он все про всех знает!

– А, он корреспондент! – догадалась я.

– Да нет, он сторожем работает по ночам, а в газету просто пишет.

– А, вот почему он все время дома, просто работает ночью! – заметила я. – А мама? В отпуске?

– Нет, она по вечерам работает, уборщицей в стройконторе, где твой отец.

– Ты не обижайся, Валь, а почему твой отец так странно ходит? – вдруг спросил Андрюшка.

– Да он в детстве болел этим... как его... полинитом, что ли?

– Полиомиелитом? – догадалась я.

– Да, этим самым. У них тогда ребята даже умирали, а он выжил, только хромать стал.

Мы стали придумывать, во что бы еще поиграть, но тут Валика позвал отец, а я пошла в магазин.

В магазине встретила Райку из параллельного класса. Мы с ней не то, чтобы не дружили, а даже и не общались никогда, а тут обрадовались. Она сказала, что тоже вернулась из лагеря и тоже все подружки разъехались. Мы договорились пойти вместе на речку. Так что я до самого вечера пробыла на реке, там много народу, и знакомых ребят тоже, так что было весело.

А вечером, когда мы уже поужинали, меня вызвал на ули-

цу Андрюшка.

– Ты велик хочешь? – спросил он.

– Ну да, я же тебе говорила.

– А хочешь сама заработать?

– И как? Тебе-то можно у моего папы на стройке, но на велик сложно, если только родители добавят. А меня туда не возьмут, только мальчиков.

– Нет. Маме знакомая предложила. В лесничестве берут ребят на прополку посадок сосны, отвозят туда на автобусе и даже кормят. Там как раз еще двоих могут взять, остальные-то уже сегодня работали. Оплата аккордно-премиальная.

– А что это значит – «аккордно-премиальная»?

– Не знаю, мама велела тебе так сказать, чтобы ты родителям сказала.

– А когда?

– Завтра уже надо быть у первой школы в 8 утра.

– Ого, рань какая! Ну ладно, все равно дома скучно. Давай. А что с собой брать?

– Ничего, если только пить. Там же накормят. Да, обязательно на голову что-нибудь. Ты спроси у родителей, если они разрешат, спустись, скажи, я тут подожду.

– Да я знаю, что они согласятся! Так что давай сразу договоримся.

– Ладно, давай здесь в 7.30. Кстати, и школу мне покажешь. Не проспай, смотри!

Дома я рассказала родителям об Андрюшкином предложении.

– Ого! – присвистнул папа. – Аккордно-премиальная! Я своим рабочим столько не плачу, даже когда аврал!

– А что это значит?

– Ну, сдельная – это сколько сделал, столько и получил по расценкам. Сдельно-премиальная – сколько сделал плюс премия. А аккордно-премиальная – это расценки очень завышены, да еще и премия! Например, сделать ящик стоит 10 копеек. Так по сдельной ты за 10 ящиков получишь рубль, по сдельно-премиальной рубль и 15 копеек, а по аккордно-премиальной – 5 рублей.

– О! Мне нравится такая расценка! – засмеялась я.

– Я тоже с тобой пойду ящики делать! – Братец был тут как тут. – Мама, пусть Ленка меня тоже возьмет! Я себе на ласты с маской заработаю настоящие! А гвозди я получше нее забивать умею!

Мы все засмеялись.

– Ну, во-первых, про ящики я для примера говорил. Там полоть надо. На солнышке, на жаре. А ты вон в Волгограде целыми днями то в ванне с водой сидел, то в доме от солнца спасался, – поддразнил папа.

– Ну и что, я потерплю!

– Да не дразни его, Витя, – вмешалась мама. – Не берут туда маленьких, только с шестого класса. Так что подрасти еще. А потом вон, и к папе на стройку сможешь пойти.

– Ну вот, опять подрасти... – брат ушел в комнату.

– А ты-то зачем решила пойти? Просто за компанию? – спросила мама.

– Нет, я подумала – а может, немного заработаю, и вы дадите сколько не хватит, и велик купим? Только уж тогда взрослый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.